

Глава 9

— Тебе не кажется, что я стал... капельку умнее? — спросил Чу Ван, заглядывая Чэн Яню в лицо.

Лекарь как раз проверял его задачи по арифметике, размашисто оставляя на бумаге пометки киноварью. На этот раз верных ответов оказалось гораздо больше, чем прежде — Чу Ван уже практически назубок выучил таблицу умножения.

— Недурно, — кивнул Чэн Янь и добавил с поощрением: — Твои успехи — это плод твоего же усердия.

Чу Ван тут же расплылся в широкой улыбке и радостно воскликнул:

— Тогда когда же экзамен? Мне уже не терпится!

Чэн Янь, однако, предостерегающе качнул головой:

— Не спеши. Прежде чем сдавать экзамен, тебе придется освоить еще один предмет.

Лицо Чу Вана мгновенно вытянулось.

— Что?! Зачем еще уроки?!

Чэн Янь принялся наставлять его с самым серьезным видом:

— Посуди сам: сейчас мы занимаемся арифметикой — это область точных наук. Но как же словесность и история? Образование должно быть всесторонним и гармоничным. Поэтому с сегодняшнего дня мы ровно половину времени, отведенного на счет, будем тратить на чтение классики.

Чу Ван на мгновение задумался, загибая пальцы. Рассудив, что общее время занятий не увеличится, он легко согласился:

— Хорошо!

Чэн Янь заранее подготовил книги и велел слуге принести их. Цан'эр ввалился в комнату с высокой стопкой в руках; он так шатался под ее тяжестью, что, казалось, вот-вот выронит всё добро.

— Т-так много?! — ахнул Чу Ван.

Злосчастный слуга последние двое суток без сна и отдыха перетирал в пыль злополучную императорскую печать, замечая следы преступления. Руки его до сих пор ныли от натуги, и, опустив стопку на стол, он не сдержал жалобного стога.

Чэн Янь окинул его взглядом, полным сочувствия к слабому духом.

— Ладно, иди отдыхай.

Он открыл самую верхнюю книгу и показал Чу Вану титульный лист.

— Это «Новое изложение рассказов, в свете ходящих». С неё мы и начнем. Если встретишь незнакомое слово или не поймешь смысла — спрашивай, но обязательно делай пометки. Если в следующий раз забудешь то, что мы уже разбирали, придется искать ответ в своих записях самостоятельно.

Чу Ван послушно закивал.

Он уже знал немало иероглифов и теперь с живым любопытством принялся перелистывать страницы.

Раньше, когда разум его был затуманен, учеба давалась ему с огромным трудом. Когда-то в императорском дворце его пытались учить вместе с другими сверстниками, но наставник уже в первый день во всеуслышание заявил, что князь непроходимо туп и чтение книг для него — не просто трата времени, а осквернение самой бумаги. После этого Чу Вана просто выставили за дверь.

С того дня он возненавидел кисти и свитки. Даже когда мать пыталась учить его сама, он наотрез отказывался, из-за чего и дожил до своих лет, едва умея читать.

Впрочем, теперь он уже знал немало знаков.

Отношение к книгам в его сердце переменялось: им овладело страстное желание узнать, о чем же повествует древний текст. Ему хотелось доказать — прежде всего самому себе, — что если другие могут читать и писать, то и он справится.

Видя, с каким рвением Чу Ван погрузился в чтение, Чэн Янь отошел в сторону и занялся физическими упражнениями. Он старался не мешать юноше, откликаясь лишь на его прямые вопросы.

Для занятий лекарь подбирал труды вроде «Нового изложения рассказов» — не слишком сложные для восприятия, но наполненные житейской мудростью. Глубокие академические знания не были его целью; Чэн Янь лишь хотел, чтобы Чу Ван, излечившись, сохранил свою душевную чистоту, но при этом понимал, как устроен мир.

Второй этап лечения близился к завершению. Темные следы яда на серебряных иглах после сеансов становились всё бледнее, а количество точек, в которых требовалось оставлять иглы, уменьшалось с каждым днем.

Теперь Чу Вану требовалось меньше суток, чтобы запомнить таблицу умножения, а после объяснений Чэн Яня он с поразительной точностью щелкал примеры на двузначные числа. Пусть это были лишь азы, но по скорости и верности счета он мог бы поспорить с иным опытным счетоводом, вооруженным абаком.

Лекарь понимал: в плане базового интеллекта его подопечный уже ничем не уступает здоровому человеку.

Сначала он хотел найти случай, чтобы выставить успехи князя напоказ и объявить всем, что цзюньван исцелен.

Однако после находки в комнате слуги эта мысль угасла.

Даже если Чу Ван останется дурачком, те, кто желает подставить его и обвинить в измене, не останутся. Нынешний император явно не отличался великой мудростью и вполне мог ухватиться за любой, даже самый нелепый повод, чтобы избавиться от родственника. Истинные помыслы князя мало кого заботили.

Если же недоброжелатели узнают, что Чу Ван прозрел, он окажется в еще большей опасности.

Промучившись несколько дней в раздумьях, Чэн Янь вызвал к себе старого управляющего и юного слугу.

— Слушайте внимательно, для вас есть особое поручение, — медленно проговорил он.

Лао Ян и Цан'эр синхронно затаили дыхание. Судя по их лицам, оба уже лихорадочно соображали, под каким предлогом поскорее ретироваться.

Чэн Янь вздохнул.

— Не думайте, будто я не знаю, о чем вы болтали в последние дни. Лао Ян — ты, когда закупал провизию у мясников и зеленщиков; Цан'эр — ты, когда я посылаю тебя за лекарствами и бумагой. Я прекрасно знаю, какие сплетни вы разносили за стенами поместья.

Слухи в народе не берутся из ниоткуда — все они расползаются из задних дворов. Учитывая, что эти двое чаще всего видели его рядом с Чу Ваном, вычислить источник не составило труда.

Возможно, это были лишь пара неосторожных фраз, брошенных знакомым, но молва — как

лавина: к тому моменту, когда слух облетает город, он меняется до неузнаваемости даже для тех, кто его пустил.

Старый евнух сохранил подобие спокойствия и, заискивающе улыбнувшись, произнес:

— Лекарь Чэн, старина Ян право не понимает, о чем вы изволите говорить...

А вот Цан'эр перепугался не на шутку. Он тут же рухнул на колени, оправдываясь:

— Лекарь Чэн! Я... я не нарочно! Пожалуйста, не выгоняйте меня!

Чэн Янь только рукой махнул:

— Я не собираюсь сводить счета.

Слуга, однако, продолжал лепетать:

— Вы спасли мне жизнь! Я больше ни слова никому не скажу, клянусь!

— Хватит, встань уже, — поморщился Чэн Янь.

Он терпеть не мог, когда перед ним рыдали и валялись в ногах — в такие моменты он чувствовал себя каким-то злобным тираном.

Взглянув на трясущегося юношу и натянутого как струна управляющего, лекарь произнес:

— Я хочу, чтобы вы пустили еще несколько слухов. Точнее, нет — не слухов, а рассказали о том, что видели и слышали своими ушами.

Старый управляющий осторожно уточнил:

— И... что именно мы должны поведать?

Лекарь был готов к этому вопросу. Он тут же извлек два листа бумаги и вручил каждому по одному.

Оба были грамотны, так что быстро пробежали глазами по строчкам. Текст был написан простым, живым языком, так что содержание было предельно ясным. Вскоре оба закончили чтение.

— Ну? — спросил Чэн Янь.

Собеседники переглянулись с весьма странным выражением лиц.

Наконец Лао Ян, откашлявшись, промолвил:

— Лекарь Чэн... А вам не кажется, что это... ну... несколько преувеличено?

Чэн Янь изогнул бровь.

— В каком смысле — преувеличено? Разве вы не слышали сказок о деве-улитке или о нефритовом зайце, толкущем эликсир бессмертия?

Слуга скорбно скривился:

— Так то же сказки! А вы посмотрите, кто главный герой в этой вашей истории!

«Как у человека хватает совести писать такое про самого себя?!» — этот вопрос буквально застыл в глазах Цан'эра.

История была построена на уже ходивших в народе слухах о «чудесном лекаре». Чэн Янь лишь добавил самую малость красок к и без того раздутым небылицам.

Старый управляющий заговорил наставительно:

— Лекарь Чэн, вот это начало — про то, что великий целитель спустился с небес ради спасения князя в благодарность за прошлые жизни... Допустим, это еще куда ни шло.

Под пристальным взглядом Чэн Яня старик поспешил продолжить:

— Вторая часть — про то, что лекарства ваши приготовлены самим небесным зайцем... Тоже сойдет! Нужно только подкупить аптекаря, у которого Цан'эр берет травы, чтобы помалкивал. Но вот третья часть — это уж слишком!

Чэн Янь усмехнулся:

— И что же там не так?

Лао Ян ткнул пальцем в исписанный лист:

— Ладно, вы написали, что можете возвращать мертвых к жизни и сращивать плоть на костях. Но вот это: «Разрезал слугу пополам, а после сшил его заново, и тот остался невредим»? И как у вас рука поднялась такое выдумать?! А уж про выдыхание облаков, извержение пламени и глотание кинжалов — это же сущая нелепица!

Кто же в такое поверит? Он, старина Ян, первый бы не поверил!

Чэн Янь, однако, был невозмутим:

— Не веришь? Что ж, тогда я покажу тебе фокус с рассечением плоти.

Цан'эр побледнел.

— Лекарь Чэн! Мне тут срочно нужно... в деревню проведать родных!

Чэн Янь цепко схватил его за воротник.

— Ты-то мне и нужен. Будешь помогать.

Спустя два дня Чэн Янь устроил для управляющего настоящее представление. Юный слуга, уже знавший секреты некоторых трюков, великолепно изображал неподдельный ужас. Если бы старый Ян не обладал крепким здоровьем, лекарь всерьез опасался бы за его сердце.

Чу Ван, услышав шум еще до начала, тоже прибежал посмотреть. Чэн Янь усадил его на стул, вручил корзинку со сладостями, и юноша с восторгом наблюдал за тем, как «чудесный лекарь» являет свои сверхъестественные таланты.

— Чэн Янь! Ты невероятный! — Чу Ван захлопал в ладоши, когда всё закончилось. — Ты и вправду небожитель, сошедший на землю!

— Я... я... почтенный... — старый управляющий хватал ртом воздух; его картина мира сейчас активно перестраивалась, лишая его способности связно мыслить.

Чэн Янь велел Цан'эру убрать кровь в саду — для «рассечения» они использовали свиную кровь, и выглядело это пугающе достоверно.

Подойдя к Чу Вану, он легонько коснулся его носа и негромко произнес:

— Чу Ван, я не бог. Всё, что ты видел, называется иллюзией. Это лишь ловкость рук и обман зрения.

— Обман зрения? — Чу Ван замер.

Чэн Янь присел рядом с ним.

— Именно. Ты заметил в моих действиях хоть какой-то изъян? Подумай сам: если я запер Цан'эра в ящик и распилил его надвое, разве мог бы он после этого бегать как ни в чем не бывало?

Пока слуга усердно смывал багровую жижу с камней, Лао Ян не удержался и подошел к нему, шепча:

— А кишки... кишки-то твои на месте?

Чу Ван, подперев подбородок рукой, переводил взгляд с ящика на слугу и обратно.

— Обман зрения... ловкость рук... А! Я понял! В ящике ведь было двое, верно? Когда ящик выносили, я заметил, что у одного из помощников штаны и чулки в точности как у Цан'эра!

Чэн Янь только собирался раскрыть секрет, но Чу Ван опередил его. Лекарь одобрительно кивнул:

— Верно. В ящике заранее спрятался второй человек. Голова Цан'эра торчала спереди, а ноги другого слуги — сзади. Снаружи казалось, что это один человек, которого перерезали пополам.

Цан'эр, продолжая тереть плитку, отозвался:

— Лао Ян, ты слышал? Я цел и невредим. Лекарь Чэн просто гений, раз додумался до такого...

Старый управляющий застыл, переваривая услышанное. На его лице отразилось запоздалое озарение:

— Так вот оно что... Вот оно как! — И тут же спохватился: — Погодите! А кровь-то откуда взялась?!

— Конечно, не из меня, — ответил слуга. — Мы взяли свиную кровь на кухне.

Старик пришел в неопишное негодование:

— Вы извели столько добра впустую?!

Чэн Янь и Чу Ван продолжали сидеть плечом к плечу, обсуждая детали представления.

— Глотание кинжала — это лишь умение спрятать его в рукаве. Огонь из пасти — это не чудо, а керосин, который вспыхивает от искры. Всё остальное — такая же игра теней и света.

Чэн Янь тряхнул своими широкими рукавами.

— В таких одеждах можно спрятать что угодно.

— Это слишком опасно, — Чу Ван всё еще выглядел встревоженным. — Не делай так больше. А вдруг что-то пойдет не так и...

Лекарь улыбнулся, тронутый этой заботой.

— Я рассказал тебе всё это лишь для того, чтобы ты знал: я не бог. Все эти чудеса — лишь притворство. Но мои лекарские навыки — чистая правда.

Чу Ван кивнул:

— Я знаю. Ты замечательный, Чэн Янь. И я чувствую, что становлюсь всё сообразительнее.

Цан'эр, закончив уборку, подошел к ним.

— Это правда! Князь такой умный! Сразу разгадал тайну рассечения, а Лао Ян-то чуть в обморок не грохнулся...

Сам управляющий стоял поодаль и не слышал, как над ним подшучивают.

Чэн Янь согласно кивнул — и это не было пустой лестью. Интеллект Чу Вана восстанавливался стремительно; пожалуй, он уже был проницательнее многих, просто окружающие еще этого не замечали.

— Кстати, — внезапно произнес Чэн Янь, — ты не заметил, что у тебя кое-чего не хватает?